

Петр Немировский

ПОПАНДОПУЛОС И ЕГО ЛЮБОВЬ

Рассказ

После окончания школы, не поступив в институт, я устроился грузчиком в хлебный магазин. Работа там была нехитрая: в течение дня приезжали машины с хлебом; железным крюком я помогал водителям вытягивать из фургонов лотки, сбрасывал буханки в большую деревянную коляску, а потом в магазине раскладывал хлеб по полкам.

Наш человек везде найдет лазейку для воровства. Вместо десяти буханок на лоток водители на хлебозаводе набрасывали пятнадцать, набивали буханками все свободное пространство в фургоне. Неучтенного хлеба набиралось довольно много. Выручку водители делили пополам с кассиршей. В мою же задачу входило сообщить кассирше о количестве украденных буханок и передать водителям «левые» деньги. За отличную работу водители со мной делились сигаретами, а кассирша отпускала меня пораньше домой.

xxx

По воздуху плыли паутинки, сентябрьское солнце днем еще припекало. Я сидел на деревянном ящике, в синем рабочем халате, прислонившись спиной к теплой кирпичной стене здания. Курил и читал романы Ремарка. Как и полагается юношам «восемнадцать лет», в героях Ремарка мне особенно нравилось их умение пить, не пьянея, а также их дар многозначительно, правда, не всегда понятно рассуждать о жизни.

...Черные, коротко подстриженные волосы, мягкие черты круглого лица, платье, чуть закрывающее колени. Я видел ее каждое утро идущей к троллейбусной остановке. Днем она возвращалась той же дорогой. Судя по всему, она жила где-то поблизости.

– Соседи говорят, что в нашем хлебном магазине появился интеллигентный грузчик, – она стояла передо мной, отщипывая от

буханки корочку и кладя кусочки в рот. – До тебя в этом магазине грузчиком работал какой-то алкаш.

– Алкоголь помогает справиться с душевной пустотой и спасает наши иллюзии, – многозначительно ответил я, и герой Ремарка из раскрытой книги мне подмигнул.

– Меня Жанной зовут. А тебя?

– Алешей.

– Значит, Лешик, Алексис. Попандопулос, – засмеявшись, она протянула мне руку.

xxx

Мы с ней стали встречаться: гуляли по паркам и днепровским набережным. Жанна училась в техникуме легкой промышленности. Она рассказывала мне то о моделировании обуви, чему их учили в техникуме, то о своих любимых актерах. Но в основном говорил я – без умолку, обо всем на свете, с жаром и горечью, Бог весть о чем...

Меня волновало в ней все: по-кошачьи мягкая, но уверенная походка, насмешливый и дерзкий взгляд темно-карих глаз. Ее смуглые крепкие ноги были немного коротковаты, но высокий каблук придавал им стройность. Подол ее платья вздувался от любого ветерка. Мы были с ней ровесниками, но я чувствовал, что в вопросах любви Жанна гораздо старше, вернее, опытнее меня, и я очень надеялся, что она этим опытом со мною поделится...

xxx

– Входи, не стесняйся, – Жанна отворила дверь, пропуская меня в квартиру. – Тебя всегда так легко отпускают с работы?

– Да. Я очень ценный работник. Еще и кристально честный, – ответил я и, как всегда, стал что-то рассказывать.

– Какие у тебя красивые глаза, – перебила она, таинственно понизив голос. – Знаешь что? Побудь здесь. Можешь включить музыку. А я скоро вернусь, – и выскользнула из комнаты.

Оставшись один, я перебирал компакт-диски на полке.

– Не соскучился? – она вошла, запахивая на ходу светлый халатик. Подойдя к окну, задернула шторы. – Слишком светло. Не люблю, когда свет бьет в глаза.

Предательская дрожь пробежала по моим коленям. Я понял, ЧТО сейчас произойдет.

И действительно: Жанна подошла ко мне, задумчиво и как-то печально взглянула из-под густых ресниц. Мои ладони легли на ее талию.

– Алеша, не надо, – промолвила тихо.

– Почему? – так же тихо спросил я.

– Это никому не нужно. Давай оставим все, как есть...

Возникла мучительная пауза. Мне показалось, что точно такую же сцену я недавно видел в каком-то фильме. Вдруг Жанна обвила мою шею руками. Халатик как-то сам собою сполз с ее совершенно голого тела...

Приблизительно через час мы с ней стояли в прихожей, возле наружных дверей.

– Жан, может, я еще ненадолго останусь у тебя, а?

– Нет, в другой раз. Скоро должен вернуться отец с работы, – она ласково погладила меня по щеке. – Попандопулос.

Но вместо того чтобы ее обнять, я проямлил:

– Извини, если что не так. Я ведь трахаюсь первый раз в жизни...

И тут же понял, что сморозил чудовищную глупость. «Болтун! Кто тебя тянет за язык? Кто же ТАКОЕ говорит женщине?! Разве извиняются?!»

Ее губы тронула насмешливая и, как мне показалось, ядовитая улыбка:

– Не переживай, для первого раза нормально. Хотя, по-правде сказать, я ожидала большего, – и отворила передо мной наружную дверь.

Я брел по улице, уверяя себя. «Завтра мы с ней снова встретимся и она опять мне отдастся. Я ей покажу, на что способен!»

xxx

Но Жанна куда-то пропала: не появлялась «в поле моего обозрения» и не отзывалась на мои телефонные звонки. Я ломал себе голову – где же она? Конечно, смутно догадывался, что ее исчезновение не случайно, но все равно не хотел этому верить.

Сидя на деревянном ящике с книгой в руках, я пытливо следил за дорогой, торчал у хлебного магазина до самого его закрытия.

– Леша, тебя что, родители из дому выгнали? – спрашивала кассирша.

– Нет. Просто хочу дочитать книгу до конца, – врал я.

Мое воображение упрямо возвращало одну и ту же сцену: я снимаю с Жанны халат, целую крупные соски ее груди, и мы ложимся на диван. Эта картина преследовала меня с утра до вечера, доводя до безумия.

«Неуверенный в себе неудачник! Ты никогда не сможешь удовлетворить женщину! Ты еще и безнадежный болтун! Ах!.. Да брось печалиться о ней. Зачем она тебе нужна? Через пару лет она

расплывется и станет толстой! Найди себе другую, поумней и поизящней». Но чем больше я себя терзал и растравливал, тем сильнее хотел быть с ней. Я еще не понимал, что смертельно в нее влюбился.

...Я вскочил с деревянного ящика, не веря своим глазам. Жанна шла по улице к троллейбусной остановке, даже не взглянув в мою сторону. Я, было, ринулся к ней, но... Навстречу ей шел какой-то худощавый высокий парень! Жанна взяла его под руку, и они куда-то ушли.

Небо разорвалось над моей головой.

xxx

На крыше ее пятиэтажного дома повсюду торчали антенны и тянулись провода. Сверху хорошо просматривалась вся дорога. Я сидел на бортике крыши, выкуривая одну сигарету за другой. «Ничего, сейчас она узнает. Еще пожалеет, что ушла от меня!»

«А если разобьюсь?» – все настойчивей прорывалась благоразумная мысль. На миг я представил себя лежащим в гробу. В новом черном костюме и при галстукe. «Пусть все соберутся у моего гроба. Пусть плачут, раскаиваются за свою черствость. Пусть Жанна с рыданиями упадет на колени, когда меня будут опускать в сырую могилу».

Красная точка появилась на дороге. Я застыл в ожидании. Она приближалась. Уже отчетливо я видел Жанну в ее короткой юбке и красной ветровке. Мне показалось, что я разглядел даже ее туфли.

– Жан-на! – мой крик распугал всех бездомных кошек во дворе.

Вдохнув полной грудью, я поднял руки и... мир перевернулся. Из карманов посыпалась мелочь, звякая о жесть бортика. Теперь перед

моими глазами была лишь черная просмоленная крыша, над которой синела полоска воздуха.

В школе я посещал секцию по спортивной гимнастике, даже имел первый юношеский разряд. Так что стойка на руках для меня была обычным спортивным упражнением. Сейчас свое тело я держал под таким углом, чтобы можно было легко вернуться в исходную позицию – на ноги.

Почему я не снял часы? Их крошечная круглая головка все большее впивалась в запястье.

Я не учел того, что из-за нервного напряжения в виду повышенного риска сил уходит несоизмеримо больше, чем на обычной тренировке. Дрожь побежала по мышцам рук и спины. Еще немного – и придется опуститься на ноги.

«Ты ведешь нечистую игру, – вдруг промолвил некто в самую мою душу. – А стать строго вертикально – слабо? Трус».

– Нет, я не трус, – прошептал я и изменил угол наклона.

О-о, глупое геройство юности, не знающей цену жизни...

Кусок черной крыши перед глазами исчез, зато распахнулась небесная синева. Я понял, что совершил непоправимое: из такого угла возможен лишь один выход – прыжок через спину. Меня охватил панический страх. «Господи, что я наделал? Неужели это конец?! Нет, нет! Господи, спаси меня, дурака...»

– А-а!..

Какая-то неведомая сила отшвырнула меня назад. Я повалился на крышу. Замер, еще не веря, что спасен. Распластанный, неподвижно лежал на спине.

Вскоре на крышу вбежала Жанна. Запыхавшись, присела возле меня на корточки.

– Идиот! Ты что, совсем спятил?! Ты же мог разбиться насмерть! Ты себе ничего не сломал? – она стала ощупывать меня. Похоже, она была напугана не меньше моего.

А я, пораженный, молчал. Перед моим мысленным взором возникла жуткая картина: внизу, возле дома на асфальте, лежит какое-то кровавое месиво. От этого месива отделяется моя душа, и ее уводят к открытому фургону большой черной машины. Возле фургона стоят водители с железными крюками, похожие на чертей. Из фургона доносятся чьи-то душераздирающие вопли...

Я понял, что это сейчас должно было произойти со мной, но каким-то чудом этого не случилось. Меня охватило странное желание перекреститься.

А Жанна продолжала терзать и ощупывать меня:

– Попандопулос, ты живой? Живой? Или ты помер? Или притворяешься? Почему ты молчишь? Ну-ка, дай проверю, – сказала она, и в ее голосе неожиданно прозвучали игривые нотки.

Она ловко расстегнула пуговицу на моих джинсах и запустила свою руку мне в трусы.

Мы посмотрели друг другу в глаза и все поняли без лишних слов. Улыбаясь и не сводя с меня сверкающих глаз, Жанна привстала и аккуратно стянула со своих бедер белые трусики. А я тем временем спустил до колен свои джинсы.

Подняв свою юбку и перед тем, как уместиться на мне сверху, Жанна промолвила:

– В последнее время я совершаю одну глупость за другой. А все, к твоему сведению, из-за тебя.

...Через некоторое время мы с ней сошли по ступенькам вниз и вышли из дома.

– Лешик, я не хочу тебя отпускать. Давай еще немного погуляем, а? – предложила она.

– Нет, мне надо домой, – уверенно ответил я. Легонько коснулся указательным пальцем кончика ее носа. – До завтра, – и ушел.

Ехал в троллейбусе и смотрел в окно. Мне казалось, что за этот день я повзрослел лет на двадцать. Пытался разобраться, что же со мной сегодня произошло и почему. Вдруг мне стало ясно, что на этой земле все взаимосвязано: Горе почему-то неразлучно с Радостью, а Любовь – со Смертью.